
Elena
Take
Ассистентка
для
ВЛАСТНОГО
БОССА

Elena Take

Ассистентка для властного босса

https://litres.ru/74837992

Аннотация

От ненависти до любви!

— Меня зовут Светлана Иванова. Я сестра Алексея Иванова.

Он чуть приподнял бровь и, скрестив руки, прислонился к спинке кресла.

— Ваш брат задолжал мне деньги. И что вы хотите этим сказать?

— Я пришла… попросить о возможности рассрочки или… или прощения долга, — выдавила я, понимая, как наивно это звучит.

Главы выходят: вторник, четверг, суббота

Его губы изогнулись в лёгкой усмешке, в глазах мелькнул насмешливый огонь.

— Прощения? — Он произнёс это слово так, как будто впервые слышал его. — И что вы готовы предложить взамен?

Я нервно сглотнула, мои мысли лихорадочно метались, но мне было нечего терять.

— Я могу… я готова работать на вас.

— Работать? — он чуть наклонил голову, его взгляд сверлил меня, будто искал подвох. — И кем же, интересно?

— Кем угодно. Я просто… хочу помочь брату.

Светлана пришла спасать брата — и попала в мир, где каждое слово имеет вес, а каждое движение читается как жест.

Максим Волков — мужчина, который привык брать. Деньги, решения, людей. Ему не нужны слёзы. Не нужны чувства. Ему нужен контроль.

Она — доброта, которой он не верит.

Он — угроза, от которой она не может уйти.

Контракт. Условия. Расчёт.

Но между строк — то, что невозможно просчитать. Страсть. Границы. И любовь, которая ломает всё.

В книге есть:

Властный герой

Сильная героиня

Противостояние характеров

От ненависти до любви

Содержание

Глава 1. Лана	5
Глава 2. Лана	9
Визуализация героев	16
Глава 3. Максим	21
Глава 4. Лана	27
Глава 5. Максим	33
Глава 6. Лана	38
Глава 7. Максим	44
Глава 8. Максим	52
Глава 9. Лана	57
Глава 10. Лана	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Глава 1. Лана

ЛАНА

“Иногда, чтобы спасти тех, кого любишь, приходится войти во тьму, которая пугает больше всего.”

Когда позвонил Алексей, я оказалась посреди шумной улицы. Машины шипели, прохожие гудели, кто-то кричал в телефон за спиной, но его голос перекрыл весь этот хаос.

Я задержала дыхание, улавливая напряжённость в интонации, и ещё до его слов поняла — это не просто разговор.

— Ланочка, мне нужна твоя помощь, — его голос звучал глухо, на грани. Я стиснула телефон, будто пыталась удержать не только звук, но и его самого. Сердце болезненно сжалось. Я не слышала его таким — растерянным, уязвимым.

— Что случилось, Алекс? — голос вышел резким, нервным.

В трубке повисла тишина. В ушах звенело, как перед падением. Я вдруг оказалась в капсуле: люди, шум, улица — всё отодвинулось. Остались только мы.

Я представила его лицо — не то, каким оно стало с возрастом, а то, каким я запомнила его в детстве: окоменевшее от страха, но упрямо держащееся. Я ведь вырастила его. Заменила родителей. Но теперь он взрослый, и этот звонок уже не детский.

— Лана… я влип. Очень сильно. — От этих слов дыхание

стало тяжелым, они словно осели в моем теле, не позволяй мне двигаться.

— Насколько сильно? — сорвалось прежде, чем успела подумать, какие ответы боюсь услышать.

Он снова замолчал. И это молчание было хуже слов.

— Я… взял деньги у людей, с которыми не стоило связываться, — глухо признался он. Голос чужой. Не тот, которым он шутил, строил планы, делился ерундой. Всё стерлось. Осталась только тень страха.

— Сколько ты взял? И у кого? — я слышала свой голос как со стороны. Он был ровным. Холодным. Слишком взрослым.

— Лана… — дрожь в голосе. — Это Максим Волков.

Имя прозвучало, как удар под дых. Меня не тряхнуло, меня выключило. Всё застыло: улица, я, его голос.

Максим Волков. Человек, о котором говорили шёпотом. Владелец элитных клубов, жёсткий, безжалостный бизнесмен, у которого долги платили не деньгами, а судьбами. Его имя знали, но никто не хотел произносить его дважды.

Я сжала зубы. Внутри закипала злость, вперемешку с тревогой. Алексей… он был как мальчишка, который полез в игру, явно не по его весу. И теперь надеялся, что я снова вытащу его, как тогда.

— Ты понимаешь, во что влез?

— Я знаю, тебе страшно. Но если бы был другой путь, я бы не стал просить… Они дали мне срок. До конца недели. Если не верну — они меня найдут.

— Сколько?

Пауза. Тяжёлая. Как будто он стоял на краю.

— Пять миллионов, Лана.

Я перестала дышать. Это не просто много. Это… это уже не сумма — приговор.

Я дошла до дома, не чувствуя ни пальцев, ни ног. Просто вошла, скинула пальто, открыла ноутбук.

Вбила: Максим Волков.

На экране появилось его фото. Уверенный взгляд, тёмные волосы, будто небрежно уложенные, чёткие черты лица. Он был красив. Даже слишком. В этом лице не было ничего мягкого — только контроль, спокойная жесткость, и нагловатая полуулыбка, говорящая: я получаю то, что хочу.

Говорили, он поднялся с нуля. Но его история —это сплошные пробелы. Слухи, слухи, легенды. Те, кто пытался перейти ему дорогу, исчезали. Кто-то из бизнеса. Кто-то насовсем. Ходили разговоры о его связях в высоких кругах. О том, что прощения у него не бывает.

Я выдохнула. Не облегчённо — с отвращением. Мне предстояло пойти к нему. Алексей поставил меня в ситуацию, где я должна буду смотреть в глаза человеку, от чьего решения зависит всё.

Но я уже сделала выбор.

Завтра я войду в мир, где моё имя ничего не значит. Где каждое слово, каждый взгляд, каждое движение будут оружием. Где правит он.

Где выживают не те, кто прав, а те, кто умеет дышать в темноте.

Глава 2. Лана

ЛАНА

“Иногда путь к решимости лежит через страх, сжимающий сердце”.

С утра я решила, что мне нужно выглядеть идеально — достаточно строго, чтобы не вызвать сомнений, и в то же время не показаться слишком официальной. Весь мой образ должен был внушать доверие и уверенность, хотя внутри всё гудело от напряжения, которое только нарастало с каждой минутой.

Я перебирала вещи одну за другой: слишком просто, слишком броско, слишком расслабленно… Пока, наконец, не нашла тёмно-синий пиджак с мягкой приталенностью, лаконичные брюки и белый топ без рукавов, чуть открывающий ключицы. Не слишком формально, но и не слишком обыденно. Образ подходил идеально. На ноги чёрные туфли на невысоком каблуке. Классика, сдержанность и в то же время изящество, которого так не хватало моему внутреннему состоянию.

Собрав волосы в аккуратный пучок, я посмотрела на своё отражение. Женщина в зеркале выглядела спокойной и уверенной, но внутри я будто была стиснута ледяной рукой. Отступать было некуда. Если не я, то кто тогда спасёт Алексея?

Привычным движением я провела по щеке, как будто пы-

талась стереть с лица напряжение, и, взяв себя в руки, отправилась к Максиму Волкову.

Его офис внушал уважение, и, стоя перед массивными стеклянными дверями, я осознала, что вся уверенность, с которой выходила из дома, постепенно ускользала, оставляя меня наедине с моим страхом. Я сделала глубокий вдох, толкнула дверь и прошла внутрь, чувствуя, как в груди нарастало беспокойство.

Секретарь за стойкой ухоженная и сдержанная женщина лет пятидесяти. Её колкий взгляд, скользящий по мне, почти обескураживал.

— Здравствуйте, чем могу помочь? — её голос звучал спокойно, вежливо, но в нём чувствовался холодок, будто она привыкла иметь дело только с теми, кто знал правила.

— Добрый день. Я бы хотела встретиться с Максимом Волковым, — произнесла я, стараясь не выдать волнения.

Она быстро оценила меня взглядом, и я поняла, что ей уже стало ясно: я была не та, кого здесь ждали.

— Простите, но без записи приём невозможен, — её слова прозвучали безжалостно, а я почувствовала, как щёки начали гореть. Ну, конечно. Как могла я подумать, что смогу просто так попасть к нему? Как я могла быть такой наивной?

— Пожалуйста, — тихо попросила я, — проверьте его расписание. Возможно, найдётся время на ближайшую встречу.

Секретарь слегка сдвинула брови, скептически заглянув в

календарь. В этот момент дверь за моей спиной открылась, и я, чувствуя, как напряжение в груди достигло пика, обернулась.

Мужчина, стоявший в дверях, буквально завораживал. Это был он — Максим Волков. Вживую он казался ещё более впечатляющим, чем на фотографиях, от которых веяло ледяной властью. Высокий, с выверенной уверенностью в каждом движении. Резкие скулы, тёмные волосы, глаза, пронизывающие насквозь. Я почувствовала, как моё тело начинало выдавать волнение, сердце стучало громче, чем шёпот мыслей в голове.

Его взгляд медленно скользнул по мне, начиная с лица, остановился на губах, спустился ниже. Я буквально ощущала, как кожа начинала покалывать там, куда он смотрел. Этот взгляд — наглый, самоуверенный, и в нём не было ничего от вежливой сдержанности. Словно он считал, что уже знал обо мне всё.

Лицо вспыхнуло, и мне казалось, я едва стояла на месте. Он умел лишать воздуха даже молча.

— Валентина Николаевна, — произнёс он, его голос был холоден и глубок, и от этого звука мне стало не по себе, — что здесь происходит?

Секретарь повернулась к нему с лёгким смущением:

— Простите, Максим Алексеевич. У девушки нет записи, но она настаивает на встрече. Я хотела записать её на ближайшее свободное время.

Он посмотрел на меня, и под этим взглядом я буквально ощутила себя обнажённой. Все мои страхи, моя неуверенность, мой отчаянный шаг — всё оголилось перед ним.

— У вас серьёзный вопрос? — его слова звучали как вызов, как проверка на прочность.

— Здравствуйте, меня зовут Светлана, — ответила я, стараясь держаться, но голос звучал слишком тихо. — Я бы очень хотела обсудить с вами важное дело.

Он слегка прищурился, изучая меня, как редкий экспонат.

— По личному вопросу? — уточнил он, и в этом вопросе мне послышалось нечто насмешливое.

Слова застряли у меня в горле, и я отвела глаза, поддаваясь этому давлению.

Максим бросил взгляд на свои часы — роскошный, блестящий ролекс, который подчёркивал его безукоризненный вкус и положение.

— У меня есть свободные десять минут. Пройдёмте, — сухо заключил он, указывая в сторону кабинета.

Шумно вздохнув, я машинально последовала за ним, чувствуя, как ноги становятся ватными. Было ощущение, что я шла по краю пропасти. Пока мы двигались к кабинету, я напрягалась, как струна, и в этот момент каблук предательски подвёрнулся. Я потеряла равновесие и уже готова была упасть, но его рука, надёжно удерживая, мгновенно оказалась у меня под локтем. Лёгкое прикосновение, но достаточ-

но крепкое, чтобы не дать мне пошатнуться.

— Осторожнее, — его тихий голос прозвучал прямо у моего уха, и мне стало жарко от этой близости. Как только он помог мне снова обрести равновесие, его пальцы отпустили мою руку, и я ощутила, будто меня лишили опоры.

Не знала, что больше ошеломляло сама близость или мой страх.

Он открыл дверь своего кабинета, мягким жестом приглашая войти. Я старалась не выдать смущения, проходя внутрь. Галантно отставил для меня стул, дожидаясь, пока я устроюсь. Усаживаясь напротив, закинул ногу на ногу и, чуть наклонившись, продолжал рассматривать меня, оценивая каждый мой жест, каждое движение.

Максим пристально смотрел на меня, его взгляд будто впивался в мои мысли, разгадывая всё, что я не успела сказать.

— Чем обязан вашему визиту? — его голос был глубоким, холодным.

Я сделала глубокий вдох, стараясь подавить дрожь в голосе.

— Меня зовут Светлана Иванова. Я сестра Алексея Иванова, — произнесла я, чувствуя, как напряжение в воздухе усиливается.

Он чуть приподнял бровь и, скрестив руки, прислонился к спинке кресла.

— Ваш брат задолжал мне деньги. И что вы хотите этим

сказать?

Его слова были как удар, но я заставила себя не отвести взгляд.

— Я пришла… попросить о возможности рассрочки или… или прощения долга, — выдавила я, понимая, как наивно это звучит.

Его губы изогнулись в лёгкой усмешке, в глазах мелькнул насмешливый огонь.

— Прощения? — Он произнёс это слово так, как будто впервые слышал его. — И что вы готовы предложить взамен?

Я нервно сглотнула, мои мысли лихорадочно метались, но мне было нечего терять.

— Я могу… я готова работать на вас.

— Работать? — он чуть наклонил голову, его взгляд сверлил меня, будто искал подвох. — И кем же, интересно?

— Кем угодно. Я просто… хочу помочь брату.

Максим вскинул бровь и на мгновение перевёл взгляд в сторону, обдумывая что-то.

— Хорошо, вы станете моей личной ассистенткой на полгода. За это время долг вашего брата будет считаться погашенным.

У меня закружилась голова от его слов. Я слышала предложение, но ещё не до конца его осознала.

— Личной ассистенткой? — переспросила я, чувствуя, как голос срывается.

— Да, — ответил он спокойно, будто речь шла о простом

деле, а не о долге в пять миллионов. — Устраивает?

Мне казалось, что пол под ногами зашатался, но другого выхода не было.

— Да, — тихо сказала я. — Я согласна.

Он кивнул, его взгляд на мгновение смягчился, но затем снова стал холодным и сосредоточенным.

— Начнёте завтра в девять утра. И не опаздывайте.

Я молча кивнула и поднялась, чувствуя, как подкашиваются ноги. Всё происходящее было реальным, и обратной дороги уже не было.

Визуализация героев

Светлана Мельникова

Возраст 27 лет

Сильная, независимая, с чувством справедливости. Готова пожертвовать собой ради близких. Обладает тонкой душевной организацией, что отражается в её творчестве.

Родители погибли в автокатастрофе, когда Лане было 20 лет. С тех пор она опекала младшего брата Алексея. Художница.

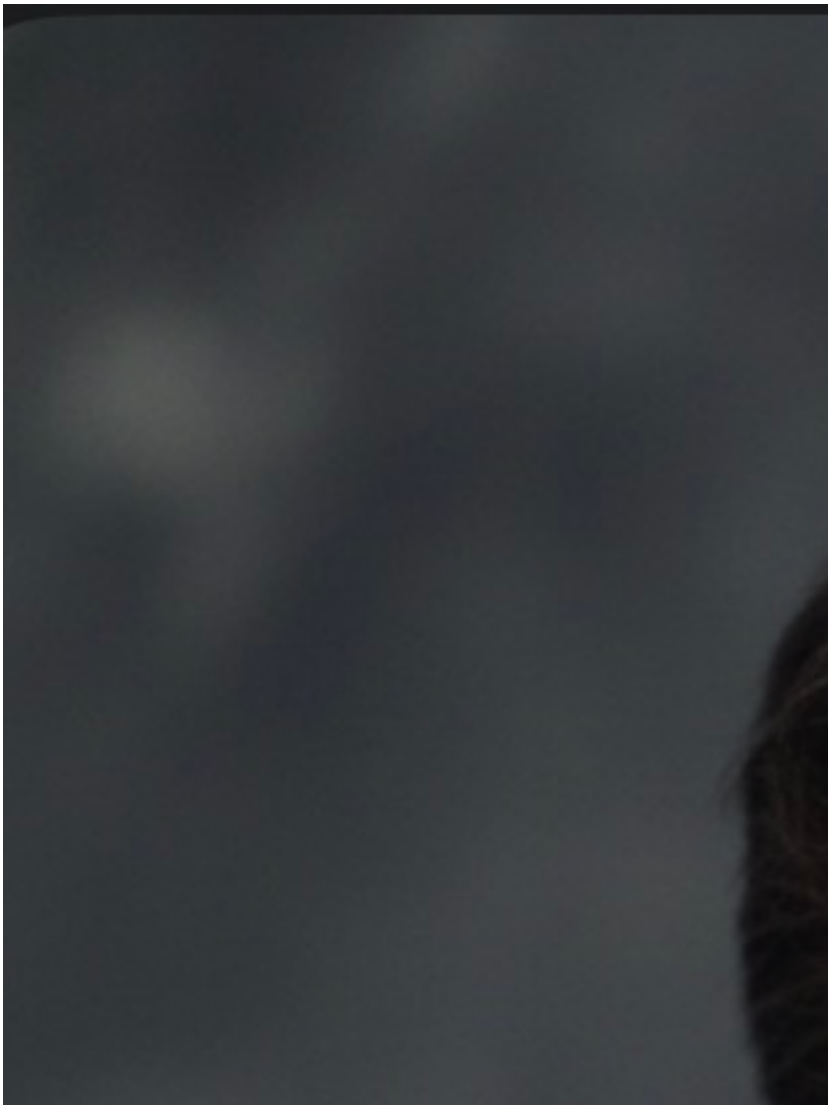
Максим Алексеевич Волков

Возраст: 35 лет

Влиятельный бизнесмен, владеет сетью элитных клубов и ресторанов.

Жёсткий, целеустремлённый, привык добиваться своего любой ценой. Однако за внешней суровостью скрывается ранимая душа и тяжёлое прошлое.

В детстве пережил предательство близких, что закалило его характер и заставило не доверять людям. Своё состояние заработал с нуля, пройдя через множество испытаний.

Глава 3. Максим

МАКСИМ

“Настоящий интерес рождается там, где разум говорит “нет”, а инстинкты тянутся вперёд.”

Когда я вошёл в приёмную и увидел её, всё вокруг будто затихло на мгновение. Напряжённость, смешанная с решимостью сразу приковала внимание. Девушка явно не привыкла бывать в таких местах, и эта лёгкая растерянность делала её ещё более интригующей. Секретарь сообщила, что у неё нет записи. Как будто это имело хоть какое-то значение.

Светлана Иванова. Сестра должника. Обычно, если ко мне приходят с подобными просьбами, люди выдавливают из себя смирение, взывая к жалости. Но в ней была отчаянная решимость, граничащую с наивностью. Она даже не представляла, куда попала. Это казалось забавным. У неё хватило смелости прийти просить прощения долга в пять миллионов, как будто это не значительная сумма. В её представлении, видимо, деньги имели свой, особый, неподвластный мне смысл. Для меня же это мелочь. Пять миллионов… отдать их за такую игру — почему бы и нет?

— Моя ассистентка, — проговорил я, когда она ушла. Конечно, полгода работы не могут покрыть её долг, но её предложение “отработать” деньги показалось почти очаровательным. Какие к чёрту пять миллионов за полгода?

Возможно, это было отчаяние. Или дрожь в голосе, с которой она говорила. Не знаю. Но я уже знал — эта игра будет интересной. Слишком давно я не встречал таких, как она. Упрямая, до странности наивная. Верит, что сможет держать дистанцию. Что будет просто ассистенткой. Даже не догадывается, чем всё это закончится.

Я уже предвкушаю, как она будет пытаться держаться в стороне, стараясь не поддаваться влиянию. И именно в этом вся прелесть. Сопротивление делает вкус сильнее.

Интересно, когда она поймёт, что проиграла.

Я вызвал к себе Кирилла — своего помощника. Он вошёл в кабинет спустя несколько минут в своём обычном, безупречно спокойном состоянии.

— Кирилл, — начал я, усаживаясь поудобнее, — сегодня ко мне приходила интересная девушка. Сестра нашего должника, Алексея Иванова. Светлана Иванова. Мне нужно, чтобы ты узнал о ней всё, что возможно.

Кирилл чуть приподнял бровь — для него почти удивление.

— Всё, что возможно? — уточнил он, хотя знал. Риторически

— Абсолютно всё, — ответил я. — Семья, друзья, работа, её привычки, слабости.

— Дай мне пару часов, — сказал он спокойно. — Я принесу всё, что удастся найти.

Он вышел, оставив меня в кабинете одного. Мои мысли

снова вернулись к ней. К тому, как она держалась. Не изображала силу, не играла в покорность. Это было отчаяние, аккуратно прикрытое попыткой сохранить лицо. И в этом лице сплелись страх и любопытство. Странная смесь. Слишком живая, чтобы не заметить. Слишком настоящая, чтобы отпустить.

Спустя пару часов Кирилл вернулся и положил передо мной папку.

Когда она легла на стол, я почувствовал знакомый всплеск — азарт. Информация — всегда ключ. Особенно, если хочешь контролировать. Но здесь было что-то большее.

Я открыл папку, пробежал глазами первые страницы и сразу увидел её фотографию. Светлана Иванова, 28 лет. Всё та же решимость, тот же огонь в глазах.Не из тех, кто сдаётся. Но под упрямством – уязвимость. Её жизнь оставила след, и он проглядывал даже сквозь бумагу.

Художница. Портреты, современное искусство. Снимок её картин — динамичные мазки, острые детали, будто она не рисует, а вскрывает людей. Я задержался. На миг. Подумал — предложить ей написать меня.

И тут в голове вспыхнуло: она в моей рубашке, сидит на полу, перепачканная краской, смеётся.

Откуда, чёрт возьми?

Засел образ. И раздражал.

Дальше — факты. Родители погибли, когда ей было два-

дцать, брату — четырнадцать. Молодая девушка-студентка сама взяла опеку над братом, несмотря на весь груз ответственности. Она была для него и сестрой, и матерью, и судьёй. Поднимала его на ноги, забыв о себе.

Я удивился.

В ней было нечтобольшее, чем просто упрямая маска.

Личная жизнь. Всё оказалось предсказуемо. Вся её жизнь крутилась вокруг брата, учёбы, работы. Один ухажёр — Михаил. Скучный. Неинтересный. Мягкий, как хлеб без корки. Не достаёт до неё.

Красивая. Талантливая. И одна. Мысль кольнула. Странно.

Я продолжал пролистывать страницы, впитывая каждую деталь.

Основной источник дохода — картины на заказ, плюс те, что продаются через галерею. Помимо этого, Светлана подрабатывает фотографом — портретные съёмки, судя по портфолио, вполне профессиональные.

Ещё один заработок — частные уроки рисования. Детям. У неё нет ни стабильной работы, ни гарантий, ни подстраховки. Зато есть результат.

Упрямая трудяга. Сестра-добытчица. Вся её жизнь — попытка выстроить будущее не для себя, а для него. Университет, расходы, поддержка — она тянет всё, выкладывается на сто процентов.

И вот благодарность — пять миллионов долга. Не её. Его.

На её плечах.

Я поймал себя на странном чувстве. Почти уважении. Она не ищет признания, не требует комфорта. Всё ради младшего брата. Никакой личной жизни. Ни пауз, ни передышек. Только работа, только задачи, только он. Как она до сих пор держится? Как не сломалась под этим весом? В этом было что-то настоящее. Не на показ — глубже.

Именно это и зацепило. Не жалость. Интерес.

Живёт одна. В трёхкомнатной квартире родителей, которая осталась после их гибели. Брат, поступив в университет, перебрался в общежитие. Дал ей немного воздуха. Но, видимо, она этим не воспользовалась.

Личных аккаунтов в соцсетях нет. Только два профессиональных профиля — один для картин, другой для съёмок. Она не живёт напоказ, не открывается. И, честно говоря, это даже плюс. Меньше шансов, что кто-то станет задавать лишние вопросы. А значит, всё, что будет останется между нами.

Она не появляется в клубах или на вечеринках. Её жизнь — маршрут с короткими остановками: работа, съёмки, уроки для детей. Без выбросов, без скачков. Как будто она сама себя держит в ровном ритме, чтобы не сорваться.

Из близких всего одна подруга. Даже не столько подруга, сколько человек из прежней жизни, с которым она не успела потерять связь. Та уже вышла замуж, родила детей, обустроилась. А Светлана словно осталась на обочине этого общего маршрута. Потому что не могла войти или не захотела? Мо-

жет не решилась?

Медицинские данные — чистые. Я всегда проверяю сотрудников, особенно таких. Мне важно знать, кого беру в руки. Светлана здорова. Никаких хронических, никаких диагнозов, ни сомнений на бумаге. Всё ровно. Даже чересчур ровно. В таких историях тревога обычно не в анализах, а в тишине между строк.

Следующие страницы — детали. Те самые, которые говорят больше, чем резюме. Любимые цветы? Пионы. Честно говоря, удивлён. Пионы — цветы капризные, с роскошным, но недолговечным цветением. Они живут бурно и быстро, не прощают равнодушия. В каком-то смысле противоречат её собранному, сдержанному образу. Или, наоборот, раскрывают то, что она прячет.

Музыка — старая классика рока. Легенды, в которых, несмотря на хрипотцу и жёсткость, живёт настоящая чувственность и сила. Это подошло ей куда точнее.

Любимая еда — простая. Паста, свежие овощи, чёрный кофе без сахара. Без манерности или желания понравиться. Непритязательно, но честно. И в этом тоже была она.

Я закрыл папку, удовлетворенно откинулся в кресле и на секунду закрыл глаза.

Игрушка?

Возможно.

Но если это и игра, то, чёрт побери, впервые за долгое время мне интересно не выиграть. А остаться в ней дольше.

Глава 4. Лана

ЛАНА

“В некоторых играх цена — это твоё собственное спокойствие.”

Первый рабочий день. Стоя перед зеркалом, я пыталась убедить себя, что выглядеть строго — это лучший способ справиться с волнением. Блузка застёгнута до самой шеи, волосы собраны, всё подчёркнуто аккуратно. Эта сдержанность — мой щит, способ сохранить равновесие. «Я справлюсь», — мысленно повторила я, глубоко вздохнув, и направилась в офис.

Когда я вошла в кабинет Максима, он находился не за столом, как я ожидала, а расположился на подлокотнике кресла, скрестив руки на груди. В его позе сквозила небрежная уверенность и лёгкая насмешка, словно он заранее предвкушал мою реакцию. Его взгляд окинул меня, оценивающе и спокойно, и, кажется, ему понадобилась лишь секунда, чтобы увидеть меня насквозь.

— Садись, — произнёс он, слегка кивнув в сторону кресла напротив.

Я опустилась на край, стараясь сохранить контроль над дыханием, в то время как он говорил о моих обязанностях. Организация встреч, ведение деловой переписки, выполнение поручений. Его голос звучал ровно, но в интонациях бы-

ло что-то особенное, как будто эта работа — больше, чем просто деловая задача.

Внезапно он замолчал, поднялся и подошёл ближе. Его шаги были медленными, и я ощутила, как моё сердце ускорилось. Он остановился рядом, и прежде чем я успела что-то сказать, его пальцы потянулись к вороту моей блузки. Одним движением он расстегнул верхнюю пуговицу. Сердце на миг замерло, и я инстинктивно отодвинулась, но его взгляд остался пронзительным, не давая мне отвернуться.

— Ты что, Светлана , нарядилась, как ханжа? — усмехнулся он. — Это офис, а не зона, и тут нужно быть чуть свободнее. Иначе наши клиенты решат, что их встречает строгая учительница, а не мой ассистент.

Прежде чем я успела что-либо возразить, он расстегнул ещё одну пуговицу. Я почувствовала, как кровь прилила к лицу, а в висках застучало.

— Так намного лучше, — тихо сказал он. — Двух пуговиц достаточно, чтобы чуть приоткрыть твою чудесную шею. Не стоит перебарщивать, но и превращать себя в старую деву тоже не надо.

Его пальцы на мгновение задержались у воротника, и, прежде чем он убрал руку, я почувствовала лёгкое, едва заметное прикосновение тыльной стороной к моей шее. Словно незначительное, но намеренное движение, и холодок пробежал по коже, оставив странное, тревожное ощущение. Я сглотнула, чувствуя, как внутри всё сжалось, и, казалось, да-

же воздух вокруг нас стал тяжелее.

Максим сделал шаг назад, в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на удовлетворение.

— Что ж, продолжим, — его голос снова приобрёл деловой тон, как будто ничего не произошло. — Твои обязанности включают организацию моих встреч, ведение деловой переписки и выполнение поручений. Времени у меня мало, поэтому от тебя требуется оперативность и полное понимание задачи с полуслова. Поняла?

Я кивнула, чувствуя, что голос может меня подвести, если я заговорю.

— Хорошо. Давай проверим, как ты справишься с первым поручением, — он слегка улыбнулся, и эта улыбка была слишком спокойной и уверенной. — Принеси мне кофе. Чёрный, без сахара.

Я поднялась, стараясь казаться спокойной, хотя внутри всё было наоборот. Выйдя из кабинета, я обратилась к секретарю, и та вежливо указала на кухню. Приготовив кофе, я вернулась и поставила чашку перед Максимом, стараясь не встречаться с ним взглядом.

Он не посмотрел на меня, только сделал глоток — медленно, как будто проверял не вкус, а мою внимательность. Или послушание. Я не знала, это был знак одобрения или просто отметка в его внутреннем списке — умею ли я хотя бы это.

— Спасибо, — сказал он наконец, не отрываясь от бумаг, и кивнул, словно ставя галочку.

Когда я вернулась на своё место и села за стол, пытаясь переключиться на дела, ощущение его прикосновения всё ещё оставалось на моей шее, как едва заметный ожог. Я провела пальцами по тому месту, где только что была его рука, и почувствовала лёгкую дрожь. Никогда раньше я не испытывала ничего подобного.

Да, Михаил иногда прикасался ко мне, брал за руку, целовал. Но между нами всегда была какая-то граница, как будто мои чувства не могли отозваться на его прикосновения. С ним не было этого трепета, этого странного, пугающего чувства, которое сейчас вспыхнуло внутри. До этого момента я думала, что моё отношение к мужчинам — просто дело времени и обстоятельств, что когда-то я смогу испытывать к кому-то что-то настоящее. Но сейчас… Сейчас я была ошеломлена тем, как отреагировало моё тело.

Он даже не касался меня потом. Но я всё ещё чувствовала его, будто он стоял за спиной. Как будто я работала в его дыхании.

Я чувствовала себя уязвимой и растерянной. Этот человек, который сидел в соседнем кабинете, вызвал во мне то, чего я не знала в себе. И от осознания, что он заметил это, мне становилось ещё страшнее.

После этого Максим больше меня не трогал, не обращал на меня особого внимания, погружённый в свои бумаги и дела. Остаток дня я занималась поручениями, которые казались до безумия простыми и даже немного унизительными.

Он попросил меня перебрать какие-то документы, переписать список встреч, в очередной раз принести кофе, причём в этот раз с определённой температурой. Всё это казалось мелочным и дурацким, и каждый раз, когда я возвращалась к его кабинету, ловила себя на том, что, несмотря на досаду, внутренне вздрагиваю, встречая его взгляд.

Его присутствие будто подавляло меня, делая каждый шаг и каждое движение чересчур осознанными. Я никак не могла прийти в себя после нашего утреннего разговора и того мимолётного, но такого значительного прикосновения. Стоило мне поймать его взгляд или услышать голос, и внутри снова начинал бушевать странный трепет, который я не могла объяснить.

В конце рабочего дня, когда я закончила сортировать очередные документы, дверь кабинета Максима открылась, и он вышел, окинув меня внимательным взглядом.

— Светлана, на сегодня хватит, — произнёс он спокойно, без лишних эмоций. — Можешь идти домой.

Я чуть вздрогнула от неожиданности и поспешно поднялась со своего места, собирая вещи и избегая его взгляда.

— Спасибо, — тихо сказала я, чувствуя, как моё сердце ускоряется.

Он подошёл к моему столу, остановился на мгновение, словно хотел что-то добавить, но потом лишь коротко кивнул.

— Первый день всегда самый сложный, — неожиданно

мягко сказал он, заставив меня на секунду поднять на него глаза. Его взгляд задержался на мне, и я снова почувствовала, как щёки вспыхнули от жара.

— До завтра, — произнесла я, практически шёпотом, и, схватив сумку, направилась к выходу, ощущая на себе его пристальный взгляд.

Я медленно шла домой. Я вроде не устала, но двигаться быстрее не было сил. Словно каждое прикосновение, каждый взгляд тянул за собой тонкую нить, которая всё ещё связывала меня с его кабинетом.

На остановке я забыла, в какую сторону идёт мой автобус. Подняла голову, посмотрела в небо и только тогда поняла. Я всё ещё там, в офисе. С его пальцами на моей пуговице и тишине между нами.

Глава 5. Максим

МАКСИМ

“Истинное удовольствие — это раскрыть ту, что прячется за маской.”

Когда она вошла в мой кабинет в первый рабочий день, её вид сразу зацепил. Этот костюм, закрытый до последней пуговицы, строгий пиджак, блузка, застёгнутая до самого горла, как у старой девы. Всё в духе «синего чулка». Абсолютно не вяжется с её внешностью. Такая одежда могла бы скрыть недостатки, но у неё их просто не было. Её яркая, естественная красота не нуждалась в маскировке. Она пыталась выставить барьер. Спрятаться за тканью, за пуговицами, образом. Выстроить между нами дистанцию. Забавно.

Я подошёл и расстегнул верхние пуговицы её блузки. Реакция почти магнетическая. Щёки вспыхнули, дыхание сбилось, взгляд метнулся вниз. Пыталась совладать с собой, но выдала всё. В то же время она не ушла. Сделала попытку отстраниться, но лишь на полшага, будто сама себе не позволила уйти дальше. Такая решительная, но так легко смущается. Сочетание, которое цепляет

Её глаза выдали всё, что она пыталась скрыть, то острое внутреннее напряжение, тот самый трепет, который она старательно прятала за строгой внешностью. И именно это было куда интереснее, чем долг её брата. Она вошла в мою иг-

ру, поставив на кон не деньги, а свою гордость. И была готова выдержать это ради другого. Ради него, своего брата. Похвально.

Просто лишить их квартиры? Слишком банально. Скучно.

В её реакции было что-то опасно притягательное. Импульс, который хочется вызывать снова и смотреть, как она с ним борется.

Эта игра обещала быть гораздо интереснее, чем я ожидал. Её сдержанность, дрожащие пальцы, то напряжение, с которым она держалась, всё это только подстёгивало. Я хотел видеть, как она теряет контроль. Снова и снова.

Когда рабочий день подошёл к концу, и Лана, так я звал её про себя, коротко, почти ласково, потому что это имя подходило ей куда больше, собрала вещи и тихо попрощалась. Я почувствовал раздражение. Лёгкое, но цепкое. Обычно мне было всё равно, во сколько уходят сотрудники. Главное результат. Но сейчас я поймал себя на том, что следил за ней, когда она выходила из кабинета. Пытался понять, о чём она думает. Поймать в её чуть опущенном взгляде то, что пряталось глубже слов. Меня бесило это ощущение непонимания, я привык, что люди для меня прозрачны. Как стекло. Но она была не такой.

Не выдержав, я взял телефон и набрал Кирилла.

— Кирилл, — произнёс я, когда он ответил после первого же гудка. — Завтра утром организуй небольшую проверку

для Светланы Ивановой.

— Какого рода проверку? — осторожно уточнил Кирилл, явно улавливая мой скрытый азарт.

— Что-нибудь нестандартное, чтобы немного вывести её из равновесия, — я выдержал паузу. — Например, поручение, которое потребует от неё выйти за рамки обычных обязанностей. Хочу посмотреть, как она будет действовать, когда потеряет почву под ногами.

— Сделаю, — коротко ответил он. — Что-то ещё?

— Нет, этого будет достаточно, — я отключился и откинулся на спинку кресла, задумчиво глядя в потолок, где уже выстраивались следующие ходы этой странной, непрогнозируемой игры.

Что в ней такого особенного, что заставляет меня думать о ней даже после того, как она ушла? Я привык контролировать ситуацию и людей вокруг себя, но сейчас почему-то терял контроль над собственными мыслями. Возможно, меня интриговало её отчаянное желание сохранить гордость, несмотря на очевидную уязвимость. В ней была та искренность, которую я давно уже не встречал в окружающих. Может быть, именно эта смесь стойкости и трогательной беззащитности заставляла меня снова и снова возвращаться к её образу, вспоминая каждое её движение, каждое дрогнувшее слово.

Интересно, надолго ли её хватит в этой игре? Я поймал себя на мысли, что не хочу, чтобы всё закончилось слиш-

ком быстро. Я хотел продолжения, хотел видеть её реакцию на каждое новое испытание. Возможно, именно такие люди, как она, способны заставить меня почувствовать себя живым. Хотя бы на короткое время. Под ложечкой отдавало чем-то тревожным. Непривычным. Как будто она уже изменила правила, а я пока этого не понял.

Если вам нравятся истории с властными героями, опасным притяжением и чувствами, которые начинаются с ненависти, приглашаю вас в мой роман

«(не) Его собственность».

"Мой брат проиграл не просто деньги. Он проиграл моё будущее.

И теперь у меня есть неделя, чтобы спасти его от коллекторов — и не проиграть себя мужчине, который привык забирать всё."

https://litnet.com/shrt/0HUT

BO
C

Глава 6. Лана

ЛАНА

“Иногда самый яркий страх — это тот, что таится в тебе самой.”

Проснулась я резко, с бешено колотящимся сердцем и непониманием, что происходит. Откуда-то из полумрака ночи всплыли ощущения, ещё не угасшие, как призрак сна. Мне снилось… он. Максим. Я вновь почувствовала, как он стоит рядом, его лицо так близко к моему, что я уловила каждое малейшее движение его губ. Он наклонился, и наши губы оказались в миллиметре друг от друга.

Во сне я чувствовала не только его дыхание, но и вес его взгляда на своей коже. Тепло руки, скользящей по затылку. Слишком живо. Слишком близко. Слишком реально, чтобы проснуться одной.

В этом сне я хотела, чтобы он коснулся меня, поцеловал… и, кажется, никогда не испытывала ничего подобного.

И когда я уже закрыла глаза и подалась ему навстречу, его губы почти коснулись моих… зазвонил будильник.

Открыла глаза, и холодная реальность вернула меня к себе. Сердце стучало так, что я едва могла дышать. Что со мной происходит? Почему этот мужчина, от которого мне становится страшно, внушает одновременно и такое желание? Эти чувства были мне совершенно незнакомы, я терялась в этом

вихре эмоций

Попытавшись взять себя в руки, я приготовилась к новому дню. Пора на работу, и, как бы я ни была смущена после сна, бросить всё я не могла. Ради Алексея. Ради того, чтобы он остался в безопасности.

С самого утра начался хаос. Максим сразу дал понять, что день будет нелёгким. Он позвал меня к себе и сухо бросил:

— Принеси кофе. Чёрный, без сахара.

Простое поручение, и я поспешила выполнить его. Принесла и поставила чашку перед ним, стараясь не показывать волнения. Он сделал глоток и поморщился.

— Холодный. Переделай.

Моё лицо вспыхнуло, и я вернулась на кухню, стараясь сделать всё идеально. Но когда я снова поставила чашку на его стол, он бросил короткий взгляд и фыркнул:

— Теперь слишком горячий.

Я уже чувствовала, как нарастает раздражение, но старалась держаться. В третий раз я принесла ему кофе, внимательно проверив, чтобы он был и не холодным, и не слишком горячим. Как он и просил, я не добавила сахара, но как только чашка оказалась на столе, он скривился:

— Слишком сладкий. Переделай.

Слова будто хлестнули меня по лицу. Сладкий? Но я ведь точно знала, что не клала сахара. Гнев закипел внутри, и я едва сдержалась, чтобы не ответить. Он сказал «без сахара» — я так и сделала! Но я не могла ему перечить, не могла по-

казать, насколько этот момент выбил меня из колеи. Только кивнула, стиснув зубы, и пошла переделывать.

Когда я в четвёртый раз направлялась на кухню, уже на грани слёз, ко мне подошла Валентина Николаевна. Мягко обняла меня за плечи и тихо сказала:

— Детка, не расстраивайся. Я сама сделаю ему кофе. Не позволяй ему видеть твои слёзы, это важно. Привыкнешь, поверь, просто держись.

Её слова, сказанные с неожиданной теплотой, придали мне чуть больше сил. Я вытерла слёзы, кивнула и тихо поблагодарила её. Валентина Николаевна сама занялась приготовлением кофе, и, когда всё было готово, я собрала всю свою выдержку, чтобы вновь отнести напиток Максиму.

Подходя к его столу с чашкой, я чувствовала, как мои руки слегка дрожат. Поставив напиток перед ним, я ожидала хоть какой-то реакции. Максим поднял на меня взгляд, едва заметно усмехнулся и, откинувшись на спинку кресла, спокойно произнёс:

— Я больше не хочу кофе. Пока ты его готовила, желание прошло.

Моё лицо снова залила краска, но на этот раз это была ярость и обида. Я с трудом удержалась, чтобы не сказать ничего лишнего, не развернуться и не уйти.

Максим посмотрел на меня, словно не замечая, как я сжимаю руки, пытаясь унять дрожь.

— Собирайся, — сказал он спокойно, будто это само собой разумеющееся. — Поедем пообедаем. Я проголодался.

Я подняла на него непонимающий взгляд, мои глаза, должно быть, выразили немой вопрос. Пообедаем? Вдвоём?

Он, заметив это, приподнял бровь и, с лёгкой насмешкой, добавил:

— Тебе нужно узнать о своей новой работе больше. Сейчас я — лучший источник информации.

Его объяснение прозвучало одновременно как приказ и как вызов, и у меня не было сил противиться. Молча кивнув, я постаралась скрыть смятение и раздражение, хотя оба чувства буквально бурлили внутри.

Стараясь выглядеть спокойной, я вернулась к своему столу, взяла сумочку и, проходя мимо Валентины Николаевны, встретилась с её одобрительным взглядом, немым жестом поддержки. Стараясь не думать о том, что меня ждёт, последовала за Максимом к выходу, и вскоре мы оказались в машине.

Сев на заднее сидение рядом с ним, я почувствовала его присутствие каждой клеткой своего тела. Он назвал водителю адрес ресторана, и автомобиль плавно тронулся. В тишине, которую не нарушал даже звук двигателя, я ощущала его плечо почти у своего, его ногу в нескольких сантиметрах от моей. От этой близости я почувствовала странное сочетание комфорта и неловкости. Сердце ускорило ритм, и я злилась на себя за это.

Я должна была быть собранной. Должна была сохранять спокойствие. Но рядом с ним это оказалось практически невозможным. Его близость одновременно притягивала и раздражала меня. Больше всего раздражало то, что она притягивала. Почему этот человек, который только что заставил переделывать кофе четыре раза, теперь сидел так близко, и я никак не могла ни расслабиться, ни взять себя в руки? Почему моё сердце буквально сходило с ума?

Боковым зрением я заметила его спокойное выражение лица, словно ничего не произошло, словно он не замечал ни моего смятения, ни моих чувств.

Машина двигалась мягко, практически бесшумно, создавая иллюзию какого-то иного мира, закрытого и защищённого от посторонних глаз. Я тихо выдохнула, стараясь унять своё сердцебиение, и стала рассматривать интерьер, пытаясь отвлечься от присутствия Максима. Кожа сидений была тёмной, мягкой и дорогой, салон наполнял лёгкий аромат его парфюма — сдержанного, древесного, слегка пряного. Этот запах, смешиваясь с моими мыслями, усиливал странное беспокойство.

Неожиданно Максим повернул голову в мою сторону и слегка усмехнулся, заметив, как я напряжённо сижу, сцепив пальцы на коленях.

— Ты всегда такая напряжённая, Лана? — спросил он тихо, почти лениво, будто мой ответ его не слишком интересовал.

Я заставила себя поднять взгляд и встретилась с его глазами. В них была насмешка, но вместе с тем и какой-то искренний интерес. Я постаралась ответить спокойно, хотя голос чуть дрожал от волнения:

— Только тогда, когда мне некомфортно.

— Я заставляю тебя чувствовать себя некомфортно? — усмешка стала чуть заметнее, а его взгляд приобрёл более внимательный оттенок.

— Да, — ответила я прямо, чувствуя, как щеки начинают гореть. — Но вы же прекрасно это знаете.

Максим неожиданно замолчал, внимательно изучая моё лицо, словно что-то взвешивая про себя. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, и я отчётливо чувствовала, как атмосфера в машине стала тяжелее, напряжённее.

Наконец он отвернулся и сказал уже совсем другим, деловым тоном:

— Привыкнешь.

Я сжала губы и опустила глаза, понимая, что больше говорить нечего. Он снова смотрел вперёд, его лицо вновь стало спокойным и непроницаемым, будто ничего не произошло.

Остаток пути прошёл в напряжённой тишине, и я всё пыталась успокоиться, но в голове продолжали звучать его слова, сказанные уверенно и спокойно: «Привыкнешь».

Но что, если привыкание и есть то, от чего я уже не смогу спастись?

Глава 7. Максим

МАКСИМ

“Власть – это не когда подчиняются. А когда ты боишься, что хочешь остаться.”

Вчера я решил оставить её в покое, позволив устроиться на новом месте, выполняя незначительные поручения.

Её первые задачи были больше для того, чтобы посмотреть, как она справится с мелочами. Мелочи, правда, оказались для неё не такими уж и мелочами, но она взялась за них с таким усердием, что вскоре на моём столе появились упорядоченные документы, а календарь встреч стал в разы удобнее. Я даже мысленно отметил её профессионализм.

Но это было вчера. Сегодня я решил развлечься по полной. Если вчера я позволил ей почувствовать себя спокойно, то сегодня намеревался раскачать её уверенность. Мне нравилось наблюдать за теми эмоциями, что мелькали на её лице — удивление, сдерживаемая раздражённость, а затем решимость, словно она пыталась спрятать их под маской спокойствия. Но ей это не удавалось. Контроль над эмоциями явно не был её сильной стороной.

Когда она принесла первую чашку кофе, идеальную, надо сказать, чашку. Я едва сдержал усмешку. Кофе был именно таким, как я люблю: правильной крепости, аромата, с тонким оттенком горечи. Что-что, а кофе она умела готовить.

Но я лишь отодвинул чашку в сторону и, взглянув на неё холодным взглядом, произнёс:

— Слишком холодный. Переделай.

Она стояла передо мной, слегка опешив, но не позволила себе спорить. Только кивнула и молча ушла, чтобы выполнить поручение.

Вторая чашка. Заметил, как её руки дрогнули. Она всё ещё держалась. Пыталась не выдать раздражения. Я попробовал кофе и тут же сказал:

— Слишком горячий.

Вид её растерянного лица был показался мне даже забавным. В глазах мелькнуло недоумение, но она снова кивнула и ушла.

Третья чашка.

— Слишком сладкий.

Она знала, что не добавляла сахара. Знала точно. В её глазах на секунду вспыхнуло отчаяние — и огонёк гнева. Её губы дрогнули, она хотела возразить, но вовремя сдержалась. Её внутренняя борьба была прекрасна. Её самообладание, трещащее по швам, вызывало восхищение, а уязвимость странную нежность.

Когда она ушла в четвёртый раз, сжимая в руках поднос, я едва не рассмеялся. Это было забавно и неожиданно трогательно. Искренность её стараний, её стремление угодить, её настойчивость… Всё это вызывало желание подойти, обнять, почувствовать её тепло. Но я отдёрнул себя. Не смей.

Спустя несколько минут она вернулась с новой чашкой. Я понял, это сделала Валентина Николаевна. В её руках дрожала чашка. Щёки пылали, глаза прятались, на ресницах — влажный отблеск.

Сдержанность Ланы начинала трескаться, и именно это было самым опасным. В ней оставалась стойкость, но я видел, как больно ей стоить ровно, когда внутри всё рушится. И всё равно она ставила чашку передо мной, не бросала, не хлопала дверью, не пряталась. Она смотрела прямо. И это было чертовски сильно.

Я вдруг поймал себя на мысли, что хочу убрать с её лица это напряжение. Хочу, чтобы она расслабилась. Чтобы не сжимала плечи. Чтобы… была рядом, но не ломалась. Это ощущение появилось внезапно, и я не знал, откуда оно взялось. Я не собирался быть мягким. Не собирался испытывать к ней ничего, кроме интереса.

Но внутри дрогнуло. И это злило.

— Собирайся. Поедем пообедаем. Я проголодался.

Она взглянула на меня с лёгким удивлением, и я, не давая себе передумать, добавил:

— Ты поедешь со мной.

Она кивнула. Без слов. Но я видел, как внутри всё колотилось. Мы вышли, сели в машину, и тишина между нами была тяжелее, чем любой разговор. Я чувствовал её близость телом. Аромат жасмина с ванилью, едва уловимый, но цепкий, будто остался на моих ладонях, хотя я её не касался.

И тогда… это желание не смотреть, не анализировать, а взять. Оно ударило в грудную клетку неожиданно. Моё тело реагировало быстрее разума. Я знал, что не должен. Знал, что это не входит в сценарий. Но всё-таки хотел. Не просто доминировать, а чувствовать. Не просто управлять, а владеть.

Я сжал руку в кулак на сиденье, заставляя себя не повернуться к ней ближе.

— Вы часто обедаете с сотрудниками? — её голос был спокойным, но чуть тише обычного.

Я повернулся, изучил её профиль.

— Нет. Ты первая.

Она вздрогнула. Я увидел это мельком, и это вызвало странное удовлетворение. Значит, всё-таки чувствует. Значит, не безразлична.

— Это тебя беспокоит?

— Нет, просто… не ожидала.

Смущение — тонкое, едва заметное, но такое живое. Я почти коснулся его пальцами.

Почти.

— Привыкай, Светлана. Ты теперь будешь чаще сталкиваться с тем, чего не ожидала.

Она не ответила. Только сжала ручку сумочки. И это движение такое женское, инстинктивное, защищающее, осталось у меня перед глазами дольше, чем её слова.

Мы зашли в ресторан, и я заметил, как Лана немного сму-

тилась. Этот ресторан был не просто местом для обеда, а воплощением роскоши: сверкающие бокалы, утончённые блюда в меню. Она осторожно оглядывалась, и её глаза чуть расширились, когда она увидела цены. На её лице появилась смесь удивления и неуверенности, что меня забавляло.

Когда мы сели, она взяла меню и, пробегая по нему взглядом, выглядела всё более ошеломлённой. Я с трудом сдерживал улыбку. Её реакция на такие простые вещи словно открывала мне её внутренний мир.

— Уже выбрала? — спросил я, бросив мимолётный взгляд на её выражение.

— Да… — она замялась и кивнула, закрывая меню. — Я возьму салат.

Я приподнял бровь.

— Салат? Ты что, на диете? — спросил я с лёгкой усмешкой, заметив, как её щёки слегка порозовели.

Она покачала головой.

— Нет, просто… — она замолчала и, собравшись с мыслями, тихо добавила, — извините, но у меня нет столько денег, чтобы заплатить за такой обед.

Это признание удивило меня, и мне захотелось рассмеяться. Я наклонился вперёд, с трудом сдерживая улыбку.

— Ты серьёзно думаешь, что в моём присутствии девушки платят за себя? Даже если они просто сотрудники? — Я

посмотрел на неё, и она выглядела немного растерянной. — Обед за счёт фирмы, Лана. Расслабься.

Она благодарно кивнула, и я предложил выбрать что-то более интересное. В итоге мы остановились на авторском блюде шеф-повара — нежном стейке с особым соусом и гарниром из свежих овощей. Когда её тарелка появилась перед ней, её глаза снова расширились, и я заметил, как они вспыхнули неподдельным восхищением.

— Похоже, ты раньше не пробовала ничего подобного, — заметил я, с интересом наблюдая за её реакцией.

Она кивнула и, аккуратно отрезав первый кусочек, попробовала блюдо. Её лицо преображалось, и мне вдруг стало необычайно приятно смотреть, как она наслаждалась каждым кусочком. Так едят только те, кто давно ничего не получал для себя. Ни внимания. Ни вкуса. Ни радости.

— Это… невероятно, — тихо сказала она, почти с восторгом в голосе. — Я никогда не пробовала ничего подобного. Правда.

Её слова, её реакция — всё это доставляло мне особое удовольствие. Я поймал себя на том, что мне нравилось открывать для неё что-то новое, видеть, как она откликается на вкус, на обстановку. Это было как погружение в её мир, в котором столько простоты и искренности. Её неподдельное восхищение, было словно глоток свежего воздуха.

Я наклонился чуть ближе и, почти шёпотом, спросил:

— Как тебе здесь? Не жалеешь, что согласилась на эту

встречу?

Лана на секунду замерла, словно обдумывая мой вопрос, а затем слегка пожала плечами, взглянув на меня с неожиданной твёрдостью.

— Нет, не жалею, — ответила она тихо, но уверенно. — Я хотела бы узнать вас лучше, — добавила Лана, и её глаза встретились с моими.

Её прямота меня удивила. Она не отвела взгляд, не пыталась спрятаться за вежливой фразой или оправданием. Её слова прозвучали просто и искренне, как и всё, что она делала до этого.

— Узнать меня? — переспросил я, ощущая, как меня захватывает азарт. — Зачем?

— Я должна понимать человека, на которого работаю, — спокойно ответила она, но я уловил в её голосе что-то большее.

Я улыбнулся, и внутри снова дрогнуло что-то любопытное, почти забытое. Лана не старалась быть интересной и именно это было самым интересным.

Её искренность казалась чем-то редким и даже странным в нашем мире.

Мы продолжали разговор, обсуждая какие-то мелочи, но каждый её ответ, каждый жест заставлял меня всматриваться в неё всё внимательнее. В Лане было что-то особенное: сила и одновременно мягкость, хрупкость, которую она пыталась скрыть. И мне всё больше хотелось понять, кто же она на

самом деле.

Когда мы вышли из ресторана, я поймал себя на мысли, что мне не хотелось с ней прощаться. Не потому что обед был удачным, просто её голос, её взгляд, её простые слова продолжали звучать во мне. Эта женщина действовала не как другие. Она не пыталась произвести впечатление. Она просто была собой. И, чёрт возьми, этого оказалось достаточно, чтобы я снова захотел увидеть, как она смотрит, когда улыбается.

Пожалуй, это было даже опасно.

Глава 8. Максим

МАКСИМ

“Часто именно мелкие испытания раскрывают истинные черты человека.”

Я оторвался от экрана компьютера, пытаясь вернуться к делу. Но мысли упрямо возвращались к ней. Лана. Эта упрямая девочка, которая вошла в мою жизнь как следствие неудач брата, теперь стала чем-то вроде личного вызова. Возможно, это было её молчаливое сопротивление, а может, странное сочетание смелости и наивности, но что-то в ней удерживало мой взгляд дольше, чем я готов был признать.

Долг. Всего лишь долг, напомнил я себе. Отработает и исчезнет. И всё же во мне боролись два желания: оставить её в покое и… продолжить испытывать, проверять её на прочность.

Кирилл вошёл без стука, как обычно. В руках папка с делами на следующую неделю.

— У нас снова активизировались лондонцы, — сообщил он. — Клиент, тот, что с сетью отелей. Жёсткий. Привередливый. Хочет детализированный отчёт и образцовую организацию визита. Обычно мы подключаем кого-то из старших менеджеров…

Я выпрямился в кресле, чуть прищурившись.

— Передам это Лане.

Кирилл поднял бровь, для него это уже почти эмоциональный всплеск.

— Она справится? — спросил он осторожно.

Я усмехнулся:

— Посмотрим.

Через полчаса я вызвал её в кабинет. Лана вошла, как всегда, с собранным, сосредоточенным видом. Но в глазах её я видел настороженность.

— Лана, — начал я с едва заметной усмешкой, — мне нужен отчёт по клиенту из Лондона. Они привыкли к высоким стандартам, так что потребуется полное внимание к деталям. Завтра к утру.

Я уловил, как её зрачки чуть расширились, но она быстро справилась с собой и кивнула.

— Конечно, сделаю.

Я едва заметно прищурился, наблюдая, как она принимает мои требования. Ещё немного.

— И ещё. Организуйте поездку на следующую неделю. Отель, транспорт, встречи — всё, что понадобится для приёма клиента. Сделайте так, чтобы не упустить ни одной детали.

На мгновение она сжала пальцы на блокноте, но тут же приняла обычный сосредоточенный вид, записывая мои слова. Я не мог не восхититься её упрямством, хотя и ожидал хоть тени раздражения. Но она снова спокойно сказала:

— Поняла. Всё будет готово.

Её покорность удивляла и вызывала внутреннее раздражение. Почему она не сдаётся? Возможно, она просто хочет справиться с задачей, но разве не знает, что есть и более лёгкий способ? Однако Лана предпочитала путь трудный и упрямо держалась на нём, словно доказывая мне что-то.

Позже, собираясь выйти на встречу, я направился к двери своего кабинета и уже тянулся к ручке, когда услышал её голос из приёмной. Тон был спокойный, уверенный, и к моему удивлению — на идеальном английском.

— Thank you, Mr. Graves. I'll send you the itinerary by tonight, and we'll confirm the hotel details tomorrow morning. Yes, I'll take care of the transport as well.

Я замер. Английский без акцента. Чёткая, грамотная речь. Чёрт, она удивляла всё больше.

— Ну надо же, — пробормотал я себе под нос.

Из приёмной донёсся голос Валентины Николаевны:

— Боже мой, девочка, ты только что общалась с теми лондонцами? Ты знаешь, какие они… въедливые! Засранцы ещё те. К каждому слову придираются.

— Да, знаю. Но ничего, справлюсь, — тихо, но уверенно ответила Лана.

— Ты уверена? Хочешь, я помогу с разметкой логистики? Там сложный маршрут.

— Спасибо. Но мне лучше самой пройти весь путь от начала до конца. Так будет надёжнее.

Я распахнул дверь, уверенно вышел и, не взглянув в сто-

рону её стола, прошёл мимо быстрым шагом. Не хотел, чтобы она заметила моё удивление и восхищение.

Через час, когда вернулся в офис, подошёл к её столу. Она подняла глаза, настороженная. Я остановился, не улыбаясь:

— Я слышал, как вы разговаривали с клиентом из Лондона. Ваш английский — просто идеален.

Она чуть смутилась, но выдержала мой взгляд:

— Спасибо.

— Где вы так выучились?

— Я всегда интересовалась Англией. Язык был любимым с детства. Учила сама.

Я усмехнулся:

— Не знал, что моя сотрудница ещё и владеет английским в совершенстве. Английский в совершенстве – это бонус к зарплате. Почему сразу не сказала?

Она спокойно ответила:

— Вы не спрашивали.

Я задержался на долю секунды дольше, чем собирался, затем коротко кивнул и ушёл, чувствуя, как за спиной продолжает гореть её взгляд.

Офис уже почти опустел: Кирилл ушёл, Валентина Николаевна собиралась домой. А Лана всё там же. Ни просьбы уйти пораньше, ни намёка на усталость. Просто сидела, сосредоточенная, склонившись над клавиатурой, будто весь день у неё только начался.

Рядом с ней беспорядочная стопка документов. Это не её

обычная аккуратность. Папка раскрыта, ноутбук мигает открытым окном логистики, а сама она, не замечая, поджимает ноги на стуле, как школьница. Волосы выбились из пучка, она раздражённо заправляет их за ухо, что-то бормочет себе под нос и продолжает печатать.

Никто не просил её оставаться.

Я смотрел на неё, не двигаясь, и чувствовал, как внутри начинает нарастать что-то непрошеное. Ненужное. Я не звал её сюда в этот офис, в свою голову, в свои, чёртовы слабости.

Она работает, как будто на кону что-то большее, чем просто зарплата. Как будто, если она сейчас оступится, рухнет не только этот проект, но и весь её мир.

И я не мог понять: почему я смотрю?

Хотел уйти. Хотел подойти.

Хотел узнать, почему она всё ещё держится. Почему не бросила. Почему не дрожит, когда я рядом, а дрожу я, внутри, когда слышу, как она говорит с тем чёртовым лондонцем без акцента.

Мне не нужны были ответы. Мне нужно было просто закрыть дверь. Я так и сделал, тихо, чтобы она не услышала.

Что бы она ни делала, как бы ни выглядела сдержанной, с каждым днём она цепляла меня всё больше. И именно это меня злило.

Глава 9. Лана

ЛАНА

“Страх — это граница, которую сложно перейти. Но иногда только он позволяет увидеть правду.”

Когда я подходила к кабинету Максима, чтобы оставить документы, по коридору доносились резкие голоса. Поначалу я хотела развернуться, подумав, что выбрала неудачный момент, но что-то удержало меня на месте. Максим разговаривал по громкой связи, и даже через закрытую дверь я могла слышать каждое слово, каждую угрозу, скрытую в его голосе. Его тон был ледяным, и меня охватил холод.

— Ты что, думал, я не замечу? — голос Максима был низким и угрожающим. — Считаешь, что тебе это сойдёт с рук?

Мужчина на другом конце линии оправдывался, его голос звучал приглушённо, словно он находился под давлением. Но Максим не давал ему и шанса на объяснения.

— Знаешь, мне плевать на твои оправдания. — В его голосе слышалась опасная смесь спокойствия и жестокости. — Ты подвёл меня, и тебе придётся за это ответить.

Я прижалась к стене, стараясь дышать тише, чтобы случайно не выдать себя. Моё сердце бешено стучало, и я пыталась осознать то, что слышала. Это был не просто строгий начальник, это был человек, который мог одним словом уничтожить того, кто нарушил его доверие.

— Ты больше не получишь ни одной возможности исправить ошибку, — тихо произнёс он, и от этой угрозы меня буквально пробрал холод. — Все твои контракты будут расторгнуты. Считай, что для тебя бизнес закончен.

Всё во мне сопротивлялось продолжению этого разговора, но я не могла сдвинуться с места, будто была приклеена к полу. Этот человек мог быть по-настоящему жестоким. Все его внешние манеры, видимое спокойствие и уравновешенность скрывали холодный разум, который не прощал ошибок.

Когда я услышала, как телефон был с громким щелчком положен на стол, я поняла, что мне нужно уйти, прежде чем он заметит моё присутствие. Но стоило мне повернуться, как дверь кабинета распахнулась, и Максим вышел. Его глаза встретились с моими, и в этот миг я почувствовала, будто он видит меня насквозь, знает все мои мысли.

— Вам что-то нужно, Лана? — его голос стал мягче, но в глазах всё ещё блестела тень жестокости, которую я только что услышала.

— Простите, — проговорила я, отступив назад, — я просто принесла документы.

Он кивнул, взгляд его оставался холодным.

— Хорошо, оставьте их у Валентины Николаевны, — коротко сказал он и, не ожидая ответа, развернулся, словно я больше не имела никакого значения.

Я отошла, чувствуя себя обескураженной. В душе боролись противоречивые чувства: меня охватил страх, но была

и странная влюблённость, которую я не могла отрицать.

Мне казалось, что мир вокруг стал холодным и неприветливым, когда я увидела, как Максим разговаривает с этим человеком. Его тон — ледяной, взгляд резкий и точный, как скальпель, не промахивается, и каждое слово, сорвавшееся с его губ, несло в себе угрозу. Я замерла у двери, невольно став свидетелем сцены, которая не была предназначена для моих глаз.

Его жестокость не была бессмысленной, это я понимала, но что-то в его поведении заставило меня содрогнуться. Я видела, как человек напротив него, возможно, кто-то из его подчинённых или партнёров, сжался под его взглядом, словно под ударом. Максим не повышал голоса, не делал резких движений, но от его спокойного тона по коже бежали мурашки.

Я не могла понять, что произошло. За что Максим так холодно и беспощадно разносил его? Слова, которые он произносил, казались острыми, как бритва, и человек напротив него постепенно терял уверенность, взгляд его метался, а плечи поникали под невидимым весом.

В этот момент я осознала, что Максим — человек, которого нельзя недооценивать, которому лучше не перечить. Но ещё больше я не могла понять свои чувства. Этот страх… он был смешан с каким-то странным восхищением. То, как он держался, как управляет ситуацией, как легко подавляет тех, кто слабее… Это пугало, но в этом было что-то… неот-

вратимое.

Я сжала пальцы, стараясь унять дрожь. Внутри всё кипело от смеси негодования и бессильной ярости. Ему было всё равно на чувства и слабости других, и это злило меня. Он внушал страх, и, казалось, получал от этого удовольствие. Но я не могла уйти. Хотелось понять, кто он на самом деле. Этот человек, который одними лишь словами разрушал других и заставлял их гнуться перед ним.

Когда он наконец заметил меня, я встретила его взгляд и заставила себя не опускать глаза. Мне показалось невозможным уйти, не поняв, что на самом деле движет этим человеком. И прежде чем осознала, что говорю, я задала вопрос:

— Почему вы так с ним?

Максим посмотрел на меня, и в его взгляде промелькнуло что-то вроде удивления, но это длилось лишь мгновение. Его лицо быстро приняло холодное выражение, а голос стал ледяным.

— Это тебя не касается, — бросил он грубо, его слова резанули меня, как лезвие. — Не лезь в то, что тебе не нужно знать.

Он не повысил голос, не оскорбил, но сказал это так, что мне захотелось исчезнуть. В этих словах было что-то унижающее и вместе с тем… притягательное. Как будто его холод манил меня ещё сильнее.

Он отвернулся, дав понять, что разговор окончен. Я почувствовала, как обожгло щеки, и на мгновение испытала

сильное желание возразить ему, показать, что его слова задели меня. Но я сжала губы и заставила себя промолчать.

Чуть позже, когда я уже вернулась за свой стол, ко мне подошла Валентина Николаевна. Она опустила руку мне на плечо, как мать, которая знает, что нужно сказать в нужный момент.

— Милая девочка, я вижу, как тебя зацепило то, как Максим Викторович обошёлся со своим партнёром. Ты выглядишь растерянной, и это нормально. Но поверь… он не жестокий. Он просто… жёсткий. А иначе в этом мире, где каждый мечтает укусить, перегрызть, утащить и вцепиться в твои ресурсы, не выжить. Он не стал бы тем, кем стал — владельцем империи, если бы позволял себе сентиментальность. Это не про отсутствие сердца. Это про выживание. Про власть, которую уважают. Про репутацию, которая стоит дороже любых извинений.

Она улыбнулась грустно, посмотрела на меня внимательнее.

— Поверь, если он сказал «всё» — это значит, что до этого человек уже не раз получил шанс. Максим не рубит с плеча. Он просто знает цену каждой слабости. И своей — в том числе.

Слова Валентины Николаевны ещё долго звенели в ушах. Я кивнула ей, поблагодарила, попыталась улыбнуться, но внутри всё было не так просто.

Жесткий, но не жестокий… Возможно. Возможно, она

права. Возможно, он и правда просто делает то, что должен. Но это не отменяло того, что при нём становилось трудно дышать. Как будто воздух сгущался, когда он рядом, как будто даже свет тускнел.

Он пугал меня. И восхищал. И это было самое страшное.

Не могла перестать думать о том, как легко он сказал: «Это тебя не касается», — будто перечеркнул всё моё право чувствовать. Но ведь именно это и было его силой. Холодной, пугающей, неоспоримой.

Я ещё не знала, как переживу это всё. Но точно знала одно: я уже не смогу остаться прежней. Потому что если ты хоть раз заглянул в глаза дьяволу, даже если он в дорогом костюме и с идеальной укладкой, ты уже не будешь смотреть на мир так, как прежде.

Глава 10. Лана

ЛАНА

«Иногда прошлое открывает нам ту тьму, с которой мы никогда не хотели бы столкнуться.»

После того, что произошло в офисе, мне не давала покоя одна мысль — понять, что за человек передо мной. Его холодность, жестокость и сила, с которыми он разбирался с людьми

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.